

На правах рукописи

Александров Святослав Артурович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С БАНКРОТСТВОМ
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Ильяшенко Алексей Николаевич

Официальные оппоненты: **Тюнин Владимир Ильич,**
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
профессор кафедры уголовного права

Улезько Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»**

Защита диссертации состоится « 16 » мая 2024 г. в 12⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 35.2.019.01 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета
доктор юридических наук

А.А. Тушев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Проблема банкротств хозяйствующих субъектов была и остается резонансной на протяжении всей истории существования данного правового института. Банкротство сопряжено с правомерным прекращением обязательств, которое, как правило, весьма болезненно воспринимается кредиторами. В то же время широко известно, что значительный объем банкротств связан с криминальными злоупотреблениями и иными нарушениями. В этих условиях институт банкротства интенсивно развивается: поэтапно регламентирована возможность банкротства индивидуальных предпринимателей, затем физических лиц, введена процедура упрощенного банкротства физических лиц.

Реформирование законодательства о банкротстве обусловило внесение изменений в уголовное законодательство об ответственности за преступления в этой сфере. В настоящее время уголовно наказуемыми являются нарушения при банкротстве не только юридических, но и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей. Действующее уголовное законодательство предусматривает три основные нормы об ответственности в сфере банкротства: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ); преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ); фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). При этом данные деяния, совершенные гражданами, были криминализованы только в 2014 г., а в 2020 г. законодательно установлена упрощенная процедура банкротства гражданина. В 2021–2023 гг. указанные нормы уголовного закона были реформированы.

И если правоприменительная практика по уголовным делам, связанным с банкротством юридических лиц, является уже довольно устоявшейся, то практика привлечения к уголовной ответственности за нарушения, связанные с банкротством физических лиц, в настоящее время только формируется. Равным образом характеризуется и доктринальная разработанность обозначенных сфер общественных отношений. В настоящее время теоретические представления об уголовно-правовой оценке преступлений, связанных с банкротством физических лиц, находятся в зачаточном состоянии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность и социальную значимость проведения специального комплексного исследования проблем

уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с банкротством физических лиц.

Степень разработанности темы исследования. В уголовно-правовой науке сформированы фундаментальные теоретические основы противодействия преступлениям, связанным с банкротством в сфере предпринимательской деятельности, благодаря трудам таких авторов, как В.Ю. Абрамов, Д.И. Аминов, А.А. Андреев, А.А. Аслаханов, Я.С. Васильева, Н.И. Ветров, Б.В. Волженкин, Р.Ф. Гарифуллина, Л.Д. Гаухман, С.А. Гордейчик, А.С. Горелик, А.Э. Жалинский, С.Г. Келина, А.И. Клепицкий, Т.М. Клименко, И.Я. Козаченко, В.В. Колесников, Ю.П. Кравец, Т.Д. Кривенко, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов, Н.Ф. Кузнецова, Э.Д. Куранов, В.Д. Ларичев, Б.М. Леонтьев, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунов, С.В. Максимов, А.А. Мамедов, П.Н. Панченко, Т.В. Пинкевич, А.М. Плешаков, Т.Ю. Погосян, П.Г. Пономарев, В.П. Ревин, А.А. Сапожков, М.С. Саркисян, П.А. Скобликов, М.В. Талан, В.Я. Таций, Г.А. Тосунян, В.И. Тюнин, С.И. Улезько, Т.Д. Устинова, М.И. Фойницкий, О.В. Шадрина, М.Ю. Шаляпина, Н.В. Щетинина, И.В. Шишко, В.Е. Эминов, С. Якоби, П.С. Яни, Б.В. Яцеленко и др.

Среди работ последних лет, специально посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства, следует выделить публикации А.А. Вакутина, С.В. Дерягиной, Г.С. Улезько. В то же время необходимо отметить, что в них не решен целый комплекс важнейших вопросов, связанных с уголовно-правовой оценкой преступлений в сфере банкротства физических лиц, с учетом законодательных новелл последних лет. В частности, уголовная ответственность за преступления в сфере банкротства гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, установлена только в 2015 г., а процедура внесудебного банкротства начала работать с 2020 г. Для восполнения этих пробелов необходимо проведение специального диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений в сфере банкротства физических лиц, регламентацией уголовной ответственности за совершение таких преступлений и их уголовно-правовой оценкой.

Предмет диссертационного исследования – уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 195, 196, 197 УК РФ, устанавливающие ответственность

за преступления в сфере банкротства физических лиц; вопросы дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации.

Целью диссертационного исследования является комплексная разработка уголовно-правовых аспектов противодействия преступлениям, связанным с банкротством физических лиц, определение перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в этой сфере и практики его применения.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

определить признаки и особенности института банкротства физических лиц в современном праве;

раскрыть социально-юридические факторы, обуславливающие криминализацию преступлений, связанных с банкротством физических лиц;

выявить положительный зарубежный опыт уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц;

установить особенности уголовно-правовой характеристики неправомерных действий при банкротстве физического лица;

раскрыть специфику объективных и субъективных признаков состава преднамеренного банкротства физического лица и состава фиктивного банкротства физического лица;

выявить особенности правоприменительной практики по юридической оценке преступлений, связанных с банкротством физических лиц, и обосновать рекомендации по разграничению данных преступлений;

разработать предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц, и практики его применения.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и иные нормативные правовые

акты. Компаративные аспекты исследования потребовали обращения к зарубежному уголовному законодательству.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, экономики, социологии, криминологии. Среди уголовно-правовых публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить труды А.А. Вакутина, С.В. Дерягиной, Н.А. Лопашенко, Н.Н. Пивоваровой, А.К. Субачева, Д.А. Турова, В.И. Тюнина, С.И. Улезько, Г.С. Улезько, П.С. Яни.

Эмпирической основой диссертационного исследования выступили результаты изучения материалов судебной практики, относящейся к теме исследования; 82 уголовных дел о преступлениях, связанных с банкротством, в том числе 42 уголовных дел о преступлениях в сфере банкротства физических лиц; данные проведенного в 2023 г. опроса 160 сотрудников правоохранительных органов (62 судей и их помощников, 42 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 56 следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации). При подготовке диссертации использовались результаты исследований, выполненных другими авторами.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод познания. Специфика объекта и предмета диссертации предопределила необходимость использования ряда частнонаучных методов, характерных для юридических исследований (формально-юридический, системно-структурный, моделирование, логический, сравнительно-правовой, анализ документов, экспертный опрос).

Научная новизна диссертационного исследования определяется выбором темы, которая до настоящего времени не получила необходимой теоретической разработки, а также содержанием основных положений и выводов исследования.

С учетом результатов изучения современных характеристик института несостоятельности физических лиц, который в настоящее время представлен процедурами судебного и внесудебного банкротства, определены факторы, обуславливающие целесообразность криминализации соответствующих деяний в этой сфере. В частности, выявлены особенности негативных последствий

совершения преступлений в сфере банкротства физических лиц, сочетающих в себе как имущественный ущерб, так и вред экономической деятельности. Компаративный анализ зарубежного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц позволил определить ряд аспектов, перспективных для использования в ходе совершенствования предписаний российского уголовного законодательства в этой части, к числу которых относится уголовно-правовой запрет для кредиторов, принимающих неправомерное удовлетворение требований в ущерб другим кредиторам.

Получены новые знания в виде уточненного понимания признаков составов преступлений в сфере банкротства физических лиц с учетом последних изменений уголовного законодательства и законодательства о банкротстве, выявлена межотраслевая рассогласованность отдельных взаимосвязанных положений.

Исследованы особенности правоприменительной практики по юридической оценке преступлений, связанных с банкротством физических лиц, сформулированы рекомендации по разграничению данных преступлений между собой, а также их отграничению от мошенничества и других общественно опасных деяний. Определены основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц, в том числе аргументирована потребность дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства физических и юридических лиц с выделением соответствующих самостоятельных норм, обоснована целесообразность снижения криминообразующего порога ущерба для преступлений в сфере банкротства физических лиц.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Действующие уголовно-правовые предписания об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц ориентированы главным образом на защиту интересов кредиторов. В условиях возможности инициирования кредитором банкротства физического лица, а также зачастую превосходящего положения кредиторов, которыми выступают, например, государственные органы (ФНС) или банковские организации, такое положение

вещей представляется не вполне оправданным. С учетом возможных нарушений со стороны кредиторов аргументирована необходимость установления баланса интересов сторон банкротных правоотношений уголовно-правовыми средствами, в частности путем регламентации ответственности за незаконное принятие кредитором имущества.

2. Нарушение процедуры банкротства физического лица, рассматриваемое в отрыве от причиняемого ущерба, не представляет существенной общественной опасности, необходимой для противодействия уголовно-правовыми средствами. Материальный ущерб, причиняемый в результате совершения преступления в сфере банкротства физического лица, имеет специфичную юридическую природу, поскольку он одновременно характеризуется как экономический (предпринимательский) и как находящийся в плоскости отношений собственности. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, создает условия для неправомерного вывода из коммерческого оборота значительных финансовых ресурсов. Одновременным последствием такого деяния является причинение ущерба собственности. Преступления рассматриваемой группы нередко сопряжены с относительно внезапным разрывом цепочек экономических взаимосвязей, когда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и активно в нее вовлеченное, имея объемные обязательства, выбывает из данных коммерческих процессов. Помимо прямого материального ущерба, участники соответствующих экономических цепочек терпят серьезный урон, обусловленный сложностями выстраивания хозяйственного взаимодействия.

3. К числу оригинальных особенностей уголовного законодательства иностранных государств об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц, которые могут быть реализованы в действующем УК РФ, относятся, в частности, следующие положения. В УК Республики Польша установлена ответственность кредитора, который получает выгоду за действие во вред другим кредиторам либо желает получить такую выгоду в связи с процессом признания банкротом или в связи с предупреждением банкротства. Подобным образом и в уголовном законодательстве Туркменистана наказуемыми признаются действия кредитора, принимающего неправомерное удовлетворение требования в ущерб другим кредиторам. Представляется, что это весомый фактор противодействия нарушениям при банкротстве.

Для оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц могут быть также полезны следующие положения:

узбекистанский уголовный закон содержит норму об ответственности за сокрытие банкротства, которой установлена ответственность за умышленное сокрытие хозяйствующим субъектом своей неплатежеспособности путем представления сведений и документов, не соответствующих действительности, искажения бухгалтерской отчетности или иного утаивания своей экономической несостоятельности, причинившее крупный ущерб кредиторам;

признание криминальным деянием совершение банкротства по неосторожности (УК Республики Болгария) или легкомыслию (УК Республики Польша). В соответствии с УК Королевства Швеция лицо, путем грубой неосторожности значительно ухудшившее свое экономическое положение, должно быть приговорено за пренебрежительное отношение к кредиторам.

4. Обязательным условием уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве физического лица является причинение крупного ущерба. При этом юридическое значение имеет ущерб, причиненный кредиторам. Крупный ущерб должен быть причинен именно действиями по сокрытию имущества, а не каким-либо иным поведением должника, поскольку при банкротстве физических лиц происходит правомерное списание части задолженности, т. е. в определенном объеме ущерб кредиторам причиняется, хоть и в рамках закона. Эти законные убытки должны быть отчленены от ущерба, причиненного неправомерными действиями при банкротстве.

Признак в виде совершения данного деяния контролирующим должника лицом или руководителем контролирующего должника лица неприменим к случаям неправомерных действий при банкротстве физического лица и в существующем виде создает предпосылки для неправильного применения уголовного закона.

Состав преступления, запрещенного ч. 3 ст. 195 УК РФ, характеризуется специальным субъектом, что обусловлено его бланкетной составляющей. Воспрепятствовать деятельности финансового управляющего может только лицо, в отношении которого данный субъект банкротных отношений наделен специальными распорядительными полномочиями. В силу положений действующего законодательства правомерные требования финансового

управляющего обязательны в первую очередь для самого должника. По требованию финансового управляющего обязаны предоставлять информацию банковские учреждения, регистрирующие органы. Соответственно, незаконное воспрепятствование деятельности финансового управляющего возможно исключительно со стороны указанных субъектов.

5. Фиктивность банкротства связывается с фактической платежеспособностью лица. Проверка на предмет фиктивности банкротства проводится после возбуждения дела о банкротстве, однако признаки фиктивного банкротства могут иметь место и до возбуждения дела о банкротстве. Ответственность граждан по рассматриваемой норме не имеет непосредственной связи с установленной законодательством процедурой банкротства, ввиду чего уголовная ответственность по ст. 197 УК РФ наступает независимо от факта подачи лицом заявления о признании его банкротом в арбитражный суд.

Понимание объявления о банкротстве как подачи соответствующего заявления в арбитражный суд совершенно не применимо к ситуациям внесудебного банкротства. Заявление об этом типе процедуры банкротства подается в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. При этом для внесудебного банкротства не требуется признание лица банкротом, данный юридический факт может наступить по завершении процедуры банкротства. Тем не менее состав фиктивного банкротства не исключается и в случаях внесудебного банкротства гражданина.

6. Обоснованы рекомендации по разграничению между собой преступлений в сфере банкротства физических лиц. Применение по совокупности ст. 196 и 197 УК РФ возможно лишь в случаях последовательного совершения этих преступлений, когда за фиктивным банкротством следует преднамеренное банкротство. При этом обратная последовательность невозможна, поскольку после совершения действий по созданию состояния неплатежеспособности делать ложные заявления об этом состоянии уже не получится.

Уголовно-правовые нормы о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ, могут находиться в отношениях конкуренции. Деяние, описанное в ст. 196 УК РФ, является более объемным по содержанию, а неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) могут выступать

лишь его отдельными компонентами. Вместе с тем в ст. 195 УК РФ не производится детализация преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, поэтому данные нормы находятся в отношениях конкуренции части и целого. В связи с этим невозможна идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ. Применению в подобных ситуациях должна подлежать ст. 196 УК РФ.

7. Ситуации преднамеренного банкротства, предопределенные полностью или частично фиктивной задолженностью лица, с последующим списанием долгов, в результате чего причиняется ущерб кредитору по реальной задолженности, подлежат квалификации по признакам состава мошенничества (ст. 159 УК РФ). Статья 196 УК РФ в данном случае по совокупности не применяется, поскольку предусмотренные ею общественно опасные последствия полностью охватываются составом мошенничества. Имеющиеся в данном деянии признаки преднамеренного банкротства подлежат юридической оценке в качестве административного правонарушения.

8. Разработаны научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц:

доказана необходимость декриминализации деяния в виде передачи имущества во владение иным лицам, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ;

обосновано предложение о декриминализации действий в виде сокрытия и уничтожения бухгалтерских и иных учетных документов (ч. 1 ст. 195 УК РФ);

аргументирована потребность дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц посредством закрепления в рамках отдельных норм положений об ответственности за преступления в рассматриваемой сфере. Одновременно в указанных нормах должен быть снижен криминообразующий порог размера ущерба при совершении банкротных нарушений. При этом потребуется изменить категории соответствующих банкротных преступлений до преступлений небольшой тяжести по неквалифицированным составам. В целях обеспечения дифференциации уголовной ответственности необходимо выделить квалифицированные составы, связанные с причинением особо крупного ущерба.

Предлагается в ст. 195, 196 и 197 УК РФ сформулировать новые нормы об ответственности за нарушения при банкротстве физических лиц (проекты новых норм изложены в тексте диссертации), а предписания об ответственности за преступления при банкротстве юридических лиц переместить во вновь сформированные ст. 195¹, 196¹ и 197¹ УК РФ.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они развивают и углубляют доктринальные представления о преступлениях в сфере банкротства физических лиц, их квалификации, определяют направления для дальнейших исследований проблем уголовно-правового противодействия данным общественно опасным деяниям и тем самым обогащают уголовно-правовую науку. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что оно создает основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке преступлений в сфере банкротства физических лиц. Результаты исследования могут быть использованы: при совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации, в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, при повышении эффективности практики применения норм о преступлениях в сфере банкротства физических лиц, в учебном процессе высших образовательных организаций, в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались в рамках научно-представительских мероприятий различного уровня: Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодарский университет МВД России, Краснодар, 24 сентября 2021 г.), XIII Российского конгресса уголовного права «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения» (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 26–27 мая 2022 г.), Международной научно-

практической конференции «Уголовная политика в условиях эволюции общества» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, 5 октября 2022 г.), X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона», посвященной 100-летию Верховного Суда Российской Федерации (Российский государственный университет правосудия, Москва, 10 ноября 2022 г.), Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы обеспечения экономической безопасности» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, 16 декабря 2022 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами» в рамках III Саратовского юридического форума (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, 9 июня 2023 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в монографии, а также в 9 научных статьях, 5 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Положения диссертации используются в учебном процессе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, внедрены в практическую деятельность Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, Прокуратуры г. Севастополя, Главного управления МВД России по Краснодарскому краю и Главного управления МВД России по Ставропольскому краю.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием надлежащей методологической основы, адекватной поставленным задачам и обеспечивающей всесторонность и объективность исследования, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме исследования.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи, характеризуются нормативная, теоретическая и эмпирическая основы диссертации, раскрываются методологическая основа, методы и научная новизна работы, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования, приводятся сведения об их апробации и степени достоверности.

Первая глава **«Теоретико-правовые предпосылки уголовной ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Институт банкротства физических лиц в современном праве»** отмечается, что данный институт характеризуется обособленностью от других отраслей права и относительной самостоятельностью. При этом он сочетает в себе материально-правовые и процессуальные нормативные установления. В рамках института банкротства обеспечивается правомерный баланс интересов кредитора и должника. Фигура арбитражного управляющего не выступает в качестве самостоятельной стороны банкротных правоотношений, а призвана выстраивать законную и справедливую процедуру банкротства в интересах всех участников данных общественных отношений.

Новеллу в существующие представления о банкротстве физического лица внесли положения о внесудебном банкротстве. В данной процедуре не задействован суд, а также не участвует финансовый управляющий, что, по мнению многих специалистов, ставит в неравное положение кредитора, по сути, ограничивая последнего в сравнении с ранее сложившейся системой сдержек и противовесов в ходе процедуры банкротства физического лица.

Соискателем обосновано, что действующие уголовно-правовые предписания об ответственности за нарушения в сфере банкротства физических лиц ориентированы главным образом на защиту интересов кредиторов. В условиях возможности инициирования кредитором банкротства физического лица, а также зачастую превосходящего положения кредиторов, которыми выступают, например, государственные органы (ФНС) или банковские организации, такое положение вещей представляется не вполне оправданным.

Во втором параграфе *«Социально-юридическая обусловленность криминализации преступлений, связанных с банкротством физических лиц»* делается вывод, что в отдельности взятое нарушение процедуры банкротства физического лица не представляет существенной общественной опасности, необходимой для противодействия уголовно-правовыми средствами. Причиняемый в результате совершения преступления в сфере банкротства физического лица материальный ущерб выступает основополагающим фактором криминализации данных противоправных деяний. Соответствующее деяние признается общественно опасным исключительно при условии наступления обозначенных последствий.

Вред, наносимый вследствие совершения банкротных преступлений, имеет специфичную юридическую природу, поскольку он одновременно характеризуется как экономический (предпринимательский) и как находящийся в плоскости отношений собственности. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 195–197 УК РФ, создает условия для неправомерного вывода из коммерческого оборота значительных финансовых ресурсов. Одновременным последствием такого деяния является причинение ущерба собственности. Преступления рассматриваемой группы нередко сопряжены с относительно внезапным разрывом цепочек экономических взаимосвязей, когда лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и активно в нее вовлеченное, имея объемные обязательства, выбывает из данных коммерческих процессов. Очевидно, что, помимо прямого материального ущерба, участники соответствующих экономических цепочек терпят серьезный урон, обусловленный сложностями выстраивания хозяйственного взаимодействия.

Ввиду того что потерпевшей стороной при уголовно наказуемых деяниях в сфере банкротства физических лиц выступают преимущественно юридические лица, ведущие банковскую или иную кредитную деятельность, в

результате совершения исследуемых преступлений из коммерческого оборота на значительное время выводятся существенные финансовые ресурсы. Такие банкротные изъятия финансовых ресурсов у кредитных учреждений отражаются на стоимости займов у них. Фактически банки закладывают свои потери в процентные ставки по кредитам.

В диссертации отмечается, что фактором, влияющим на уровень общественной опасности преступлений в сфере банкротства, является то, что они зачастую сопряжены с совершением других общественно опасных деяний. Нередко криминальное банкротство сопровождается хищениями, легализацией имущества, добытого преступным путем, и другими запрещенными уголовным законом деяниями.

Целесообразность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц также подтверждается современными векторами развития института банкротства граждан.

В третьем параграфе *«Сравнительно-правовое исследование зарубежного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц»* подчеркивается, что зарубежное уголовное законодательство об ответственности за данные преступления имеет ряд основных особенностей, к числу которых относятся следующие положения:

по уголовному законодательству многих зарубежных стран удовлетворение банкрутом требований кредиторов признается обстоятельством, смягчающим наказание за преступления в сфере банкротства (УК Узбекистан), или же обстоятельством, освобождающим от наказания (Уголовное уложение ФРГ, УК Болгарии);

узбекистанский уголовный закон содержит норму об ответственности за сокрытие банкротства, которой установлена ответственность за умышленное сокрытие хозяйствующим субъектом своей неплатежеспособности путем представления сведений и документов, не соответствующих действительности, искажения бухгалтерской отчетности или иного утаивания своей экономической несостоятельности, причинившее крупный ущерб кредиторам;

в УК Республики Беларусь, в отличие от соответствующей российской формулировки, в составе фиктивного банкротства в виде «публичного

объявления» использован более точный оборот – «подача заявления в компетентный суд»;

в УК Республики Польша установлена ответственность кредитора, который получает выгоду за действие во вред другим кредиторам либо желает получить такую выгоду в связи с процессом признания банкротом или предупреждения банкротства. Подобным образом и в уголовном законодательстве Туркменистана наказуемыми признаются действия кредитора, принимающего неправомерное удовлетворение требования. Представляется, что это весомый фактор противодействия нарушениям при банкротстве. Данный подход видится эффективным и имеющим потенциал его использования в отечественном уголовном законодательстве;

в уголовных кодексах ряда европейских государств предусмотрена ответственность за преступления в сфере банкротства физического лица безотносительно к факту причинения крупного ущерба (Уголовное уложение ФРГ, УК Республики Польша, УК Королевства Швеция);

в Уголовном уложении ФРГ, наряду с неправомерными действиями при банкротстве, как они описаны в ст. 195 УК РФ, под запрет поставлены действия по неоправданному ухудшению материального положения лица, находящегося в предбанкротном состоянии;

действия предпринимателя, который станет неплатежеспособным и в 15-дневный срок с момента прекращения платежей не заявит об этом суду, признаются криминальными по УК Республики Болгария;

допущение банкротства по неосторожности (УК Республики Болгария) или легкомыслию (УК Республики Польша) образует состав преступления. В соответствии с УК Королевства Швеция лицо, путем грубой неосторожности значительно ухудшившее свое экономическое положение, должно быть приговорено за пренебрежительное отношение к кредиторам.

Вторая глава **«Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с банкротством физических лиц»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Неправомерные действия при банкротстве физического лица»** отмечается, что каждое из перечисленных в ч. 1 ст. 195 УК РФ действий должно обладать признаками сокрытия, утаивания имущества. Сама по себе, например, передача имущества не всегда будет обладать признаками деяния, предусмотренного анализируемой уголовно-правовой

нормой. Это возможно в случаях правомерного временного наделения определенными правомочиями владения другого лица. Только действия, направленные на уменьшение объема имущества должника, могут рассматриваться в рамках ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Обязательным условием уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве является причинение крупного ущерба. При этом уголовный закон не содержит указания о том, кому должен быть причинен крупный ущерб вследствие неправомерных действий при банкротстве. В то же время исходя из системного толкования уголовно-правовых норм в их взаимосвязи с положениями законодательства о банкротстве можно сделать вывод о том, что юридическое значение в анализируемой плоскости будет иметь ущерб, причиненный кредиторам. В данном случае важно правильно устанавливать причинно-следственные связи, поскольку крупный ущерб должен быть причинен именно действиями по сокрытию имущества, а не каким-либо иным поведением должника. Дело в том, что при банкротстве физических лиц, как правило, происходит списание части задолженности, т. е. в определенном объеме ущерб кредиторам причиняется, хоть и в рамках закона. Эти законные убытки должны быть отчленены от ущерба, причиненного неправомерными действиями при банкротстве.

С момента возникновения оснований для внесудебного банкротства не исключается возможность совершения лицом уголовно наказуемых неправомерных действий при банкротстве. Законодательство о банкротстве не связывает завершившееся исполнительное производство с общим объемом имеющейся у лица задолженности. Кроме того, в ч. 1 ст. 223.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» прямо упоминаются не только наступившие обязательства лица, но и те, срок исполнения по которым еще не наступил.

В условиях закрепления максимальной суммы неисполненных физическим лицом обязательств при внесудебном банкротстве в один миллион рублей этот ущерб не образует крупный размер в смысле ст. 195 УК РФ. Если же гражданин умышленно занижил сумму своих обязательств, которая превышает крупный размер, то в таком случае действуют основания возникновения признаков банкротства, предусмотренные ст. 213.4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности

(банкротстве)», что обуславливает возможность уголовно-правовой оценки содеянного в качестве преступления в сфере банкротства физического лица.

В разрезе уголовной ответственности физического лица за неправомерные действия при банкротстве складывается весьма неоднозначная ситуация в части определения признаков руководителя контролирующего должника лица. Контролирующим должника лицом может быть, например, супруга должника, а руководителем контролирующего должника лица может быть ее работодатель. Совершенно очевидно, что возможность признания данного лица специальным субъектом неправомерных действий при банкротстве физического лица представляется абсурдной и подлежащей корректировке посредством изменения уголовного законодательства.

Анализ и такого квалифицирующего признака, как совершение неправомерных действий при банкротстве контролирующим должника лицом, позволяет усомниться в его обоснованности применительно к ситуации банкротства физического лица. Это квалифицирующее обстоятельство предполагает наличие признаков, отягчающих уголовную ответственность. В свою очередь, совершение исследуемого преступления, например, родственником банкрота – физического лица вряд ли каким-то образом повышает степень общественной опасности преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Признак в виде совершения данного деяния контролирующим должника лицом или руководителем контролирующего должника лица явно неприменим к случаям неправомерных действий при банкротстве физического лица. Более того, его наличие в существующем виде создает предпосылки для неправильного применения уголовного закона.

Автором обосновано, что общественно опасное деяние, запрещенное ч. 3 ст. 195 УК РФ, характеризуется специальным субъектом. Несмотря на отсутствие в тексте уголовного закона прямых указаний об этом, данный вывод делается на основе анализа бланкетной составляющей рассматриваемых предписаний. Дело в том, что воспрепятствовать деятельности финансового управляющего может только лицо, в отношении которого данный субъект банкротных отношений наделен специальными распорядительными полномочиями. В силу положений действующего законодательства правомерные требования финансового управляющего обязательны в первую

очередь для самого должника. По требованию финансового управляющего обязаны предоставлять информацию банковские учреждения, регистрирующие органы. Соответственно, незаконное воспрепятствование деятельности финансового управляющего возможно со стороны данных субъектов.

Во втором параграфе *«Преднамеренное банкротство физического лица»* отмечается, что основным непосредственным объектом состава преднамеренного банкротства выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с возникновением состояния неплатежеспособности, предшествующего банкротству. Данный вывод нашел поддержку 70 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного соискателем исследования.

Приведение к банкротству сопряжено со значительными рисками неудовлетворения требований кредиторов. При этом состав преступления, предусмотренный ст. 196 УК РФ, имеет место только при причинении крупного ущерба. В связи с этим можно утверждать, что дополнительным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются имущественные интересы кредиторов лица, виновного в преднамеренном банкротстве. Следовательно, данные общественные отношения образуют дополнительный непосредственный объект состава преднамеренного банкротства.

Деяние в составе преднамеренного банкротства представляет собой целенаправленное действие или бездействие, ориентированное на создание ситуации неплатежеспособности перед кредиторами. Установлению данных признаков должно сопутствовать выявление таких объективно возможных и экономически целесообразных вариантов поведения субъекта, при которых исключалось бы возникновение состояния неплатежеспособности.

Определение размера ущерба должно производиться исключительно по результатам процедуры банкротства, когда имеется окончательное представление о реально причиненном незаконными действиями должника ущербе.

В третьем параграфе *«Фиктивное банкротство физического лица»* указывается на то, что фиктивность банкротства связывается с фактической платежеспособностью лица. Проверка на предмет фиктивности банкротства проводится после возбуждения дела о банкротстве, но это совершенно не означает, что признаки фиктивного банкротства не могут наличествовать до

возбуждения дела о банкротстве. Толкование термина «фиктивный» свидетельствует об отсутствии в исследуемом ракурсе обязательной связи с подачей лицом заявления о признании банкротом в арбитражный суд. Ответственность граждан по рассматриваемой норме уголовного закона не имеет непосредственной связи с установленной законодательством процедурой банкротства. Более того, ее инициация является в этом контексте юридически безразличной: уголовная ответственность по ст. 197 УК РФ наступает независимо от факта подачи лицом заявления о признании его банкротом.

В силу буквального толкования уголовного закона фиктивное банкротство выражается в публичном объявлении лица о его несостоятельности. В данном случае публичное объявление может быть выражено посредством объявления в средствах массовой информации, путем объявления на собрании неопределенного круга лиц или другим подобным способом. Содержание заведомо ложного публичного объявления о своей несостоятельности сводится к информации о неплатежеспособности лица. Это могут быть заявления о прекращении исполнения обязательств перед кредиторами и фактической невозможности их исполнения.

Распространенное в юридической литературе понимание объявления о банкротстве как подачи соответствующего заявления в арбитражный суд совершенно не применимо к ситуациям внесудебного банкротства. Заявление об этом типе процедуры банкротства подается в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. При этом для внесудебного банкротства не требуется признание лица банкротом, данный юридический факт может наступить по завершении процедуры банкротства. Тем не менее состав фиктивного банкротства не исключается и в случаях внесудебного банкротства гражданина.

Третья глава **«Перспективные направления совершенствования мер уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с банкротством физических лиц»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Особенности правоприменительной практики по юридической оценке преступлений, связанных с банкротством физических лиц»* доказывается, что в преступлениях преднамеренного и фиктивного банкротства можно усмотреть своего рода противоположности. Фиктивное банкротство предполагает объективно нормальное финансовое положение

лица, но с ложным объявлением о несостоятельности, а преднамеренное банкротство, наоборот, обычно не сопровождается оглашением информации о грядущем банкротстве, но объективно финансовое положение лица стремительно ухудшается благодаря злонамеренным действиям субъекта преступления.

Главной особенностью фиктивного банкротства выступает использование виновным ложной информации о своей несостоятельности, обман в отношении взаимодействующих субъектов предпринимательской деятельности. При этом совершенно не требуется последующее фактическое начало процедуры банкротства.

В отличие от фиктивного банкротства преднамеренное банкротство не связано с использованием ложной информации, не нацелено на обман других лиц. Оно подразумевает целенаправленное создание ситуации неплатежеспособности и в последующем, как правило, приводит к процедуре банкротства.

Ввиду того что преступления, предусмотренные ст. 196 и 197 УК РФ, представляют собой противоположные по сути деяния, применение по совокупности соответствующих норм возможно лишь в случаях последовательного совершения рассматриваемых преступлений, когда за фиктивным банкротством следует преднамеренное банкротство. При этом обратная последовательность, как правило, невозможна, поскольку после совершения действий, направленных на создание состояния неплатежеспособности, делать ложные заявления об этом состоянии уже не получится.

Уголовно-правовые нормы о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ, могут находиться в отношениях конкуренции. Сопоставительный анализ данных предписаний показывает, что деяние, описанное в ст. 196 УК РФ, является более объемным по содержанию, неправомерные действия при банкротстве могут выступать лишь его отдельными компонентами. Вместе с тем в ст. 195 УК РФ не производится детализация преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, поскольку не охватывает его в полной мере. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что данные предписания уголовного закона находятся в отношениях конкуренции части и целого. Аналогичный вывод был сделан 73 % практикующих юристов, опрошенных соискателем в ходе проведенного

исследования. В связи с этим констатация идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ, является невозможной. Применению в подобных ситуациях должна подлежать ст. 196 УК РФ.

Как представляется, реальная совокупность неправомερных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства является теоретически возможной. Лицо может преднамеренно инициировать состояние своей неплатежеспособности (например, посредством совершения экономически необоснованных и невыгодных сделок со своим имуществом) и одновременно производить сокрытие имущества, его отчуждение, а равно удовлетворять требования отдельных кредиторов. В то же время, как свидетельствуют результаты анализа материалов судебно-следственной практики, большинство случаев совершения анализируемых преступлений не предполагает их совокупность. В преобладающем большинстве ситуаций неправомερные действия при банкротстве (ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ) предполагают совершение таких деяний после констатации предстоящего банкротства или же, что еще более распространено, после начала процедуры банкротства. В свою очередь, преднамеренное банкротство зачастую совершается путем осуществления ряда хозяйственных операций, не обладающих признаками сокрытия или отчуждения имущества, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ.

Выявление признаков мошенничества при установлении преступлений в сфере банкротства по общему правилу требует уголовно-правовой оценки содеянного по совокупности преступлений. Общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 195–197 УК РФ, в конкуренцию с составом мошенничества не вступают.

Ситуации преднамеренного банкротства, предопределенные полностью или частично фиктивной задолженностью лица, с последующим списанием долгов, в результате чего причиняется ущерб кредитору по реальной задолженности, подлежат квалификации по признакам состава мошенничества. Статья 196 УК РФ в данном случае по совокупности не применяется.

В результате преднамеренного банкротства, предопределенного фиктивной задолженностью лица, и последующего полного или частичного списания реальной задолженности происходит противоправное безвозмездное совершенное из корыстной цели обращение имущества в пользу виновного,

причинившее ущерб собственнику, т. е. хищение. При этом способом завладения имуществом потерпевшего выступает обман, что свидетельствует о наличии признаков мошенничества.

Несмотря на присутствие отдельных признаков преднамеренного банкротства, квалификация содеянного по совокупности ст. 159 и 196 УК РФ недопустима ввиду того, что общественно опасные последствия анализируемого типа деяния полностью охватываются составом мошенничества. Имеющиеся в деянии признаки преднамеренного банкротства подлежат юридической оценке в качестве административного правонарушения.

Законодатель возвел фальсификацию документов в ранг альтернативного деяния, запрещенного ч. 1 ст. 195 УК РФ. Данное законодательное решение не подразумевает необходимости дополнительной квалификации этого деяния по общей норме об ответственности за подделку документов (ст. 327 УК РФ), что подтверждается спецификой объектов составов данных преступлений и уровнем наказуемости сравниваемых преступлений.

Сопоставительный анализ санкций преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 195 и ч. 3 ст. 303 УК РФ, показывает, что квалифицированный вид фальсификации доказательств по гражданскому делу (ч. 3 ст. 303 УК РФ), по мнению законодателя, характеризуется повышенным уровнем общественной опасности – максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет. Иными словами, данное преступление признается более общественно опасным по сравнению с неправомерными действиями при банкротстве, что исключает возможность вывода об охвате одного деяния другим. При наличии признаков фальсификации доказательств по делу о банкротстве и одновременном установлении признаков преднамеренного банкротства содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Причинение в результате уничтожения имущества в ходе неправомерных действий при банкротстве крупного ущерба не будет охватываться составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ. Содеянное в таком случае подлежит квалификации по совокупности ч. 1 ст. 195 и ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Во втором параграфе *«Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц»* обосновано, что деяние в виде передачи имущества во владение иным лицам (ч. 1 ст. 195

УК РФ) может быть обусловлено экономической, производственной необходимостью и не быть связано с сокрытием имущества в преддверии банкротства. В то же время буквальное толкование данных признаков позволяет любое такое деяние квалифицировать по ч. 1 ст. 195 УК РФ. Совершенно очевидно, что данная ситуация содержит предпосылки как минимум для противоречивого толкования, а как максимум для ошибочного применения уголовного закона в нарушение ч. 1 ст. 14 УК РФ, т. е. в отсутствие признаков общественной опасности деяния. Изложенное позволяет утверждать, что деяние в виде передачи имущества во владение иным лицам, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежит декриминализации.

Обосновано предложение о декриминализации действий в виде сокрытия и уничтожения бухгалтерских и иных учетных документов (ч. 1 ст. 195 УК РФ). Объясняется это тем, что весьма сомнительной является связь обозначенных действий с соответствующими последствиями преступления в сфере банкротства. Кроме того, эти действия, взятые в отдельности, вряд ли способны повлечь общественно опасные последствия в виде крупного ущерба. Они могут лишь сопутствовать иным действиям, образующим признаки неправомерных действий при банкротстве. Помимо этого, в свете современного уровня развития технологий, который подразумевает цифровизацию значительного объема бухгалтерской и иной учетной документации, их сокрытие и уничтожение становится зачастую бессмысленным. В связи с этим аргументировано, что признаки уничтожения и сокрытия бухгалтерских и иных учетных документов, предусмотренные ч. 1 ст. 195 УК РФ, подлежат исключению как избыточные.

Законодателем не проводится каких-либо различий между ситуациями банкротства юридических и физических лиц. При этом набирающее обороты направление банкротства физических лиц, которое по численности превосходит случаи банкротства организаций, из-за своих количественных масштабов также характеризуется значительной общественной опасностью, а глобальная разница наказаний за совершение соответствующих административных правонарушений и преступлений в контексте банкротства физических лиц приводит к ощущению безнаказанности граждан, допускающих нарушения в этой сфере. Превалирующее большинство случаев банкротства физических лиц не приводит к списанию долгов на суммы, превышающие два миллиона двести

пятьдесят тысяч рублей. Немаловажным аспектом в разрезе дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц является начальный уровень категории изучаемых преступлений. Имеется в виду, что ч. 1 ст. 195 УК РФ – преступление средней тяжести, ч. 1 ст. 196 УК РФ – тяжкое преступление, ст. 197 УК РФ – тяжкое преступление.

Данные обстоятельства позволяют предложить дифференцировать ответственность за преступления в сфере банкротства путем отдельного закрепления уровня ответственности для физических лиц за совершение преступлений исследуемой группы. Одновременно для физических лиц должен быть снижен криминообразующий порог размера ущерба при совершении банкротных нарушений.

Ввиду того что ущерб, причиняемый в результате банкротных преступлений физических лиц, во многих случаях обусловлен не столько экономической деятельностью должников, сколько их бытовым, потребительским поведением, криминообразующий порог для преступлений в сфере банкротства физических лиц также должен быть уменьшен до уровня крупного ущерба по аналогии с регламентацией преступлений против собственности, т. е. до двухсот пятидесяти тысяч рублей (примечание 4 к ст. 158 УК РФ). Только при таком условии можно обеспечить надлежащий уровень предупреждения преступлений в сфере банкротства физических лиц, особенно в части внесудебного банкротства, которое в настоящее время является разбалансированным и реализуется вне системы сдержек и противовесов, присущих процедуре судебного банкротства физического лица. Одновременно, безусловно, потребуются изменить категории соответствующих банкротных преступлений, совершаемых физическими лицами, до преступлений небольшой тяжести по неквалифицированным составам.

Вместе с тем в целях обеспечения надлежащего уровня дифференциации уголовной ответственности, помимо крупного ущерба, необходимо установить более строгую ответственность за такие деяния, повлекшие причинение особо крупного ущерба, который должен образовывать ущерб на сумму, превышающую один миллион рублей.

Аргументировано отсутствие необходимости разделения граждан и индивидуальных предпринимателей в нормах о банкротных преступлениях. Принципиальные различия между указанными категориями лиц отсутствуют,

поскольку в любом случае индивидуальный предприниматель отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом (ст. 24 ГК РФ). Кроме того, в настоящее время многие граждане вовлечены в активную экономическую деятельность, не приобретая статус индивидуального предпринимателя, а оформившись плательщиком налога на профессиональный доход (самозанятым). Таким образом, разделение в составах преступлений в сфере банкротства граждан и индивидуальных предпринимателей является бесосновательным. Уместнее в данном контексте использовать синонимичные формулировки «гражданин» или «физическое лицо», фигурирующие как равнозначные в гл. 3 ГК РФ.

Разработанные направления оптимизации уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере банкротства физических лиц могут быть реализованы посредством их выведения из имеющихся предписаний и оформления в рамках самостоятельных норм. При этом следует ориентироваться, например, на реализованный в регламентации налоговых преступлений подход, предусматривающий установление в первую очередь ответственности за уклонение от уплаты налогов физического лица (ст. 198 УК РФ), а только потом закрепление положения об ответственности за уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК РФ). В таком случае в ст. 195, 196 и 197 УК РФ следует сформулировать новые нормы об ответственности за нарушения при банкротстве физических лиц (проекты новых норм изложены в тексте диссертации), а предписания об ответственности за преступления при банкротстве юридических лиц переместить во вновь сформированные ст. 195¹, 196¹ и 197¹ УК РФ.

В **заключении** изложены итоги выполненного исследования, сформулированы рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, обозначены перспективы дальнейшей разработки темы.

В **приложении** приведены данные опроса сотрудников правоохранительных органов.

Основные научные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих работах (общим объемом 4,3 п. л.):

Монографии:

1. Александров, С.А. Уголовно-правовая характеристика неправомерного удовлетворения требований отдельных кредиторов физического лица / С.А. Александров // Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности: монография / отв. ред. О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – М.: Юриспруденция, 2022. – С. 101–109 (19,0 / 0,6 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

2. Александров, С.А. Фиктивное банкротство гражданина: признаки объективной стороны состава преступления / С.А. Александров // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 4. – С. 64–67 (0,4 п. л.).

3. Александров, С.А. Уголовная ответственность за преднамеренное банкротство физического лица / С.А. Александров // Философия права. – 2022. – № 4. – С. 170–173 (0,4 п. л.).

4. Александров, С.А. Преступления в сфере банкротства физических лиц: вопросы разграничения / С.А. Александров // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 25–28 (0,4 п. л.).

5. Александров, С.А. Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц / С.А. Александров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 2. – С. 71–79 (1,0 п. л.).

6. Александров, С.А. Социально-юридическая обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере банкротства физических лиц / С.А. Александров // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 24–27 (0,4 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

7. Александров, С.А. Современные тенденции криминализации деяний, связанных с банкротством физических лиц / С.А. Александров // Уголовная

политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 24 сент. 2021 г./редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев и др. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 79–82 (0,2 п. л.).

8. Александров, С.А. Соккрытие, отчуждение или уничтожение имущества при банкротстве физических лиц / С.А. Александров // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2022 г. – М.: Юрлитинформ, 2022. – С. 146–150 (0,3 п. л.).

9. Александров, С.А. Проблемы разграничения преступлений в сфере банкротства физических лиц и мошенничества / С.А. Александров // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: РГУП, 2023. – С. 7–11 (0,3 п. л.).

10. Александров, С.А. Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья об ответственности за преступления, связанные с банкротством физических лиц / С.А. Александров // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами: сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием в рамках III Саратовского юридического форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России» (г. Саратов, 9 июня 2023 г.) / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой, Н.С. Мановой. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2023. – С. 213–219 (0,3 п. л.).